

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ В РОМАНЕ ДАНИЭЛЯ КЕЛЬМАНА «ИЗМЕРЯЯ МИР»

Казакова Ю.К.

Казанский федеральный университет, Елабуга, Россия (423600, г. Елабуга, ул. Казанская, 89), e-mail: kazakovajolie@gmail.com

Статья раскрывает особенности интертекстуального контекста романа популярного австрийского писателя Даниэля Кельмана «Измеряя мир». Особое внимание уделяется явлению интертекстуальности в романе, прочтению произведения через призму одного из культовых латиноамериканских романов Габриэля Гарсиа Маркеса. Не менее серьезная роль отводится наличию постмодернистских постулатов в романе, в частности позиции об отсутствии истины. Автор предпринимает попытку провести параллель между сюжетными схемами романа Даниэля Кельмана «Измеряя мир» и романа Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества». Автор также фокусирует внимание на ироническом переосмыслении традиционных форм и постмодернистской игре с клише массовой литературы, для которой характерно сочетание увлекательного сюжета и глубоких философских проблем. Среди основных выводов автор выделяет то, что каждый читатель прочитывает текст по-своему, привносит в него собственные значения, осуществляет процесс декодирования в соответствии со своей компетенцией и знанием мира. **Обращая читателя к культурному опыту с помощью культурно-ценностных констант художественной литературы, автор тем самым способствует интеллектуализации читательского сознания.**

Ключевые слова: Даниэль Кельман, интертекстуальность, роман «Измеряя мир», постмодернизм, латиноамериканская литература.

THE ASPECT OF INTERTEXTUALITY IN DANIEL KEHLMANN'S NOVEL "MEASURING THE WORLD"

Kazakova J.K.

Kazan Federal University, Yelabuga, Russia (423600, Yelabuga, street Kazanskaya, 89), e-mail: kazakovajolie@gmail.com

The author opens the article with the main postmodernist features which serve as the basis for considering intertextual context of the novel of popular Austrian writer Daniel Kehlmann "Measuring the world". Special attention is paid to the phenomenon of intertextuality in the novel, which is to the author's mind not unlike one of the cult Latin American novels of Gabriel Garcia Marquez. Not less importance is assigned to the existence of postmodernist postulates in the novel, in particular the position on the search of the truth. The author makes an attempt to draw a parallel between the subject themes of the novel of Daniel Kehlmann "Measuring the world" and Gabriel Garcia Marquez's novel "One Hundred Years of Solitude". The author also focuses attention on ironical reconsideration of traditional forms and post-modernist games with popular literature characterized by the combination of fascinating plots and deep philosophical problems. One of the main advantages of the novel pointed out by the author of the article is that the reader is enabled to judge the values for himself, to interpret the text in his own way and decode the author's message according to his personal competence and knowledge of the world. **Turning the reader to cultural experience by means of cultural and valuable constants of fiction, the author, thereby, promotes intellectualization of reader's consciousness.**

Keywords: Daniel Kehlmann, intertextuality, Latin American novel, postmodernism, "Measuring the World".

Со второй половины XX века философия начала предлагать человечеству смириться с отсутствием абсолютных начал, интерпретируя данное отсутствие не как бессилие человеческого разума, а как некое богатство нашей природы, стимулирующее многообразие видения жизни. Отсутствие одного правильного подхода и признание множества разных одновременно верных сформировало во многих гуманитарных науках направление постмодернизма, изначально построенное в отличие от модернизма на отказе от стремления познать истину. Центральное место в эстетике постмодернизма занимает положение,

предложенное Жаком Деррида - «мир есть текст», на котором и строится теория интертекстуальности, когда объектом цитации может стать не только какой-либо литературный источник, но любое произведение культуры [2]. Абсолютно сознательно отревизированное постмодернизмом, все литературное наследие становится сегодня существующим культурным контекстом – огромной культурной ненаписанной энциклопедией, где все тексты относятся друг к другу как части интертекста. При этом «чужой» текст может присутствовать анонимно, и читателю предстоит «прочесть» интертекст, понять, что стоит не столько за текстом, сколько в самом тексте. В основе методологии настоящей статьи лежат принципы системного подхода к явлениям литературы и культуры. В ходе исследования были использованы сравнительно-исторический, биографический, типологический, а также метод целостного анализа художественного произведения.

Проза популярного австрийского писателя Даниэля Кельмана представляет собой ироническое переосмысление традиционных форм и постмодернистскую игру с клише массовой литературы, для которой характерно сочетание увлекательного сюжета и глубоких философских проблем. В своем самом «нашумевшем» романе «Измеряя мир» («Die Vermessung der Welt», 2005), Кельман сохраняет и даже усиливает виртуозность в создании увлекательных сюжетных поворотов, необычной «идеи» произведения, в игре «с художественной и интеллектуальной традицией, с интертекстуальностью» [1, с. 539].

Рассчитывая на думающего читателя, Кельман интеллигентно и с тонким юмором рассказывает о двух гениях эпохи Просвещения Карле Фридрихе Гауссе и Александре фон Гумбольдте, типичных представителях национального немецкого характера во всех его проявлениях. Выявление и восстановление интертекстуальных связей в романе Д. Кельмана «Измеряя мир» открывает новый, «вертикальный», уровень прочтения произведения. Написанный в духе литературных традиций латиноамериканского романа, а именно культового произведения Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», роман «Измеряя мир» - причудливая смесь комизма и меланхолии на тему мироздания, мироощущения, смысла жизни и истинных ценностей. Весь «гарсиа-маркесовский» интертекст обладает здесь, с одной стороны, определенной семантикой, а с другой - порождает целый ряд дополнительных значений, раскрывающих концепцию писателя. Это особенно подчеркивают британские литературоведы: «при всей "немецкости" предмета романа это произведение, скорее, могло бы принадлежать перу Гарсиа Маркеса, если бы он родился в Штутгарте» [6]. Свою творческую манеру Кельман связывает с той линией «классического модерна, которая в немецкоязычной послевоенной литературе отсутствовала, с экспериментально-игровой традицией Кальвино, Борхеса или Набокова» - в

противоположность к ангажированной («политизированной») литературе в духе «Группы 47» или литературы авангарда в русле Эрнста Яндля и Гомрингера [1, с. 539].

Немалую роль в идее написания романа играет стажировка автора в Мексике, во время которой он изучал курс латиноамериканской литературы [7]. Потрясенный эмоциональным и художественным величием латиноамериканской прозы, Кельман приходит к выводу, что литература должна создавать яркие, необычные и запоминающиеся образы персонажей, в которых читатель начинает верить: «если вводишь героя, который по сюжету является выдающимся художником, то недостаточно просто именовать его таковым, надо придумать и рассказать историю его творческой деятельности так, чтобы читатель поверил, что видел его полотна» [1, с. 539].

В процессе изучения истории и культуры Латинской Америки Кельман обнаруживает, что А. Гумбольдт занимает в ней значительное место и, более того, что Гумбольдт и Гаусс в действительности однажды встречались друг с другом во время одного из научных конгрессов в Берлине; это и становится ключевым импульсом к созданию романа [7].

В романе автор сознательно создает текст с множеством уровней прочтения, не позволяя, впрочем, ни одному из уровней доминировать. Он намеренно избегает иерархии, четко обозначая постмодернистскую позицию о том, что самая большая истина заключается в отсутствии истины. В беседе Гаусса и Гумбольдта первый высказывает следующее: «Люди думают, что их существование подвластно им. Они созидают, открывают новое, наживают добро, находят людей, которых любят больше своей жизни, производят на свет детей, иногда умных, а иногда глупых до идиотизма, видят как тот, кого они любят, умирает, стареют сами и глупеют, болеют и уходят в землю. И думают, что все это они сами так решили и придумали. А вот математика доказывает, что они ходят исхоженными тропами. ...Разум ничего не диктует и даже мало что понимает. ...Мир, если понадобится, можно измерить и исчислить, но это еще далеко не означает того, что он будет понят» [3, с. 230-231].

Интертекстуальное прочтение романа отсылает читателя к произведению Габриеля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», как к одному из источников, реконструировать который помогают различные сюжетные параллели, а также упоминаемые в произведении реально существующие и вымышленные картины из культуры и быта народов Латинской Америки, особенно в описании путешествия Гумбольдта и Бонплана по Амазонке в главе «Река». Причудливое сплетение событий и слов, характеризующих местный колорит, примесь колдовства и магии, волшебных чар и вещих снов очень правдоподобно имитируют маркесовский нарратив, постоянно балансирующий на стыке реальности и фантазии. «Он никогда не говорил потом в Париже о вещах, о которых вспоминали его солдаты: гортанные крики и прицельно выпущенные из джунглей отравленные стрелы, ночные огни, а главное,

те неуловимые странности жизни, когда реальный мир на минуточку делал шаг в сторону ирреального. Деревья только что выглядели как деревья, а лениво плещущаяся вода в реке была самой обычной, но вдруг содрогался, понимая, что пред тобой мимикрия чего-то инородного...» [3, с. 121].

Сама сюжетная схема романа – две параллельные, периодически пересекающиеся жизненные линии, два путешествия, в ходе которых герои познают себя, приходят к своей самости через преподанные им уроки. В случае Гаусса путешествие – это, скорее, путь самопознания через научные эксперименты в стенах родного дома; тогда как Гумбольдта наука заставляет взбираться на самые высокие горы, переплывать океаны и постоянно рисковать жизнью. Парадокс заключается в том, что в конце произведения Кельман будто пожимает плечами, намеренно уходит от ответа, сводя оба пути к единому концу – невозможности найти абсолютное решение, формулу правильной жизни. На немой вопрос читателя о выборе жизненной стези и неизменных последующих сомнениях в правильности этого выбора он явно разводит руками: «...и Гумбольдт... внезапно понял, что не может сказать, кто из них путешествовал по миру, а кто всегда оставался дома» [3, с. 310]. Характерные для латиноамериканской литературы вечные темы поиска смысла жизни, истинной ценности бытия и формулы счастья возникают в романе на каждой странице, отражаясь в строгой призме естественных наук, с ее идеальными углами. Сам мир точных наук и гениальных ученых настолько искусно переплетен миром простых обывателей, с их размытыми представлениями о логике и конкретике, что мастерство писателя заслуживает восхищения. Сюжет, построенный на контрасте восприятия мира разными людьми, тем не менее не вызывает у читателя чувство диссонанса и хаоса, а, скорее, заставляет его произвольно проецировать контекст на себя: сравнивать суждения, оценивать действия и примерять маски различных персонажей. Разумеется, сам автор осознает, что каждый читатель прочитывает текст по-своему, привносит в него собственные значения, осуществляет процесс декодирования в соответствии со своей компетенцией и знанием мира [7].

При всей необычайной легкости и даже игривости языка автор придерживается в этом романе строгих правил, которые сам для себя установил. Изначально, рассуждая о создании произведения, Кельман ни в коем случае не хотел, чтобы он был построен по принципам жанра исторического романа, наоборот, ему хотелось провести эксперимент с написанием научно-популярной книги, автор которой внезапно сошедший с ума историк [7]. Желая сократить традиционную повествовательную дистанцию между читателем и писателем, Кельман принципиально не использует кавычек. Он вообще не жалуется прямую речь, отдавая предпочтение косвенной. В русском переводе романа все диалоги оформлены таким же

весьма непривычным образом с целью сохранения нарочитого однообразия местоимений и глаголов.

«Человек – не животное, заметил Гумбольдт.

Ну не всегда, возразил Бонплан.

Гумбольдт спросил, доводилось ли ему читать Канта.

Французы иностранцев не читают» [3, с. 49].

Ироничный тон на протяжении всего романа делает диалоги между Александром фон Гумбольдтом и его верным спутником Бонпланом особенно занимательными. Подобно Дон Кихоту и Санчо Панса, они ведут разговоры, путешествуя по опаснейшим местам планеты, в то время как другой гений, Карл Фридрих Гаусс, не покидая родных мест, совершает не менее значимые открытия. Трансформация жанра исторического романа в увлекательную историю не претендует на биографическую достоверность, но в то же время автора нельзя упрекнуть в слишком фамильярном обращении с великими учеными [5, с. 367].

Помимо главных героев, Кельман достаточно уверенно включает в роман других известных ученых и выдающихся личностей эпохи Просвещения. Насыщая культурный материал именами Наполеона, Канта, братьев Монгольфье, Гете, Гальвани, Марко Поло, Лейбница и многих других, автор дает читателю понять, что сквозь истории центральных персонажей просвечивают десятки других аналогичных историй, призывающих развернуть новую и не менее увлекательную фабулу.

В данном романе Кельмана интертекстуальность нельзя свести к «свободной игре означающих», как это делают деконструктивисты: интертекст у Кельмана включается в основной текст не механически, а получая смысловое наполнение. Одним из самых значимых смыслов в лучших традициях латиноамериканского романа можно считать идею самосовершенствования. «Холм, о котором неизвестно, как он высок, оскорбляет разум и лишает его спокойствия. Не определяя постоянно свое местоположение, человек не может продвигаться вперед. Нельзя оставлять на обочине ни одну загадку, как бы мала она ни была» [3, с. 42]. В этом отношении Кельман очень близок гофмановскому философствованию, в котором ярко представлена теория перфекционизма: «преодоление себя, достигая подчинения тела Духу; но преодоления и подлинного успеха жизни нет без идеи самосовершенствования и воли к этому, в противном случае успех растлевает человека» [5, с. 164]. Таким образом, роман Кельмана не просто «измеряет», но и позволяет построить свой собственный мир, полный смысла, мечтаний, поступков и самосовершенствования, в котором рамки себе может обозначить только сам человек.

В заключение можно сделать вывод о том, что интертекст в данном романе присутствует на разных уровнях, позволяя читателю самостоятельно устанавливать смысловые связи.

Обращая читателя к культурному опыту с помощью культурно-ценностных констант художественной литературы, автор тем самым способствует интеллектуализации читательского сознания. Роман Даниэля Кельмана «Измеряя мир» успешно интегрирует многие австрийские и латиноамериканские литературно-художественные традиции, образуя сложную смысловую мозаику с многозначным образным рядом, что полностью соответствует современной австрийской литературной тенденции к обновлению прозы, ее языка и жанровых форм.

Список литературы

1. Белобратов А.В. История австрийской литературы XX века. - М. : ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2010. - Т. II. 1945-2000. – 576 с.
2. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. - М., 1996. - 256 с.
3. Кельман Д. Измеряя мир. - СПб., 2009. - 319 с.
4. Лаптева И.В. Символичность немецкой литературы в современной российской действительности (на примере творчества Э.Т.А. Гофмана) // Вестник гуманитарного института ТГУ. Спецвыпуск. Материалы международной научной конференции «Диалог между Россией и Германией: филологические и социокультурные аспекты», 14–15 мая 2010 года, г. Тольятти / под ред. Е.Ю. Прокофьевой. – Тольятти : ТГУ, 2010. – Вып. 1 (7). – С. 161-164.
5. Шастина Е.М. Даниэль Кельман: проблемы поэтики // Диалог культур – культура диалога : материалы междунар. науч.-практ. конф. - Кострома, 2012. - С. 364-368.
6. Harding L. Unlikely Bestseller Heralds the Return of Lightness and Humour to German Literature [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2006/jul/19/books.germany> (дата обращения: 24.04.2013).
7. „Ich wollte schreiben wie ein verrückt gewordener Historiker“ [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/bucherfolg-ich-wollte-schreiben-wie-ein-verrueckt-gewordener-historiker-1304944.html> (дата обращения: 22.04.2013).
8. Kehlmann D. Die Vermessung der Welt. – Berlin : Rowohlt, 2005. - 302 P.

Рецензенты:

Шастина Е.М., д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой немецкой филологии, Казанский федеральный университет, г. Елабуга.

Шакирова Р.Г., д.ф.н., доцент, заведующая кафедрой иностранных языков,
Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, г.
Набережные Челны.